

Семён АГЕЕВ

Режъ

Рассказ

**Новокузнецк
2018**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Семён АГЕЕВ

Режь

Рассказ

Новокузнецк
2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А 23

АГЕЕВ Семён Артёмович

Режъ : рассказ / Семён Агеев ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Сопрані», 2018. – 28 с.

16+

АГЕЕВ Семён Артёмович родился 10 августа 1995 года в Новокузнецке. Учился в НГУ на физическом факультете, затем в НГТУ на факультете радиоэлектроники. Работает в магазине «Акустика» продавцом-консультантом. Увлекается музыкой, пишет песни.

В КЛФ «Контакт» пришёл в марте 2018 года. Первая публикация – повесть «Трейлер» в издательстве «Союз писателей» весной 2018 года.

Ненавижу песок. Он проникает всюду, заполняет собой всякую полость и медленно разъедает всё, что с ним соприкасается. Мёртвый. Жёсткий. Убийственно плотный и твёрдый, но вязкий и предательски текучий.

Если бы Ад действительно существовал, он бы выглядел в точности так же, как проклятая пустыня, расстилающаяся перед нами. Сковывающая колким бритвенно-острым холодом по ночам, когда мы шли, упорно переставляли ноги в надежде пересечь бесплодные, отравленные пустыней земли. Выжигающая калёным железом и кремнием глаза и кожу днём, когда мы забивались в норы, что рыли в барханах с помощью ножей и монтажного клея. Здесь каждый шаг – смертельная грязная и бесчестная схватка. С пылью. С холодом. С сухим и едким воздухом, извлекающим из лёгких последние капли влаги. С отказывающимся слушаться телом.

Плечо спутницы мелко дрожало под моей ладонью, но она продолжала шагать, зная, что если оступится или остановится, мы оба будем мертвы. Не тотчас же, так завтра, когда закончится пища. Не завтра, так через три дня, когда будет допита последняя фляга протухшей воды. Не через три дня, так через пять... Кусок брони шагохода, который волочился на веревке позади меня, очень скоро станет совершенно бесполезен, ведь не будет припасов, чтобы на него нагрузить. Только поставить в качестве мрачного надгробия в изголовье неглубокой могилы того из нас, кто умрёт первым. Кургана, что очень скоро скроет едкий и жёсткий песок.

Анаконда. Так звали девушку, что шла впереди, проверяя курс по яркой ночной звезде. Вернее, так я её называл. За жилистое и гибкое тело, хищный оскал и зелёные глаза. Никто на этой грешной земле не знает её настоящего имени. Похоже, даже она сама.

Я был одним из первых бессмертных людей. Таким меня сделали Высшие – раса избранных, живущих в роскошных, пронзающих небеса штилях ходячих городов. Плоды единственного удачного эксперимента по модификации человеческого генома. Долго живущие. Выносливые. Одарённые. И бесчеловечные. Мы звали их «остроухими братьями», горько сплевывая в дорожную пыль.

Они выбрали среди нас шесть тысяч подопытных, предложив вечную жизнь в обмен на наши тела. Спустя годы ужасных пыток имплантациями и медикаментами нас осталось всего двадцать семь. Каждую кость в наших телах заменили титановым протезом. Вставили взамен недолговечных внутренних органов выращенные в пробирках или собранные на станках. Даже глаза заменили на искусственные. Настроили обмен веществ, иммунную систему организма, «перепрошили» мозг... После того, как подопытные были изучены, результаты задокументированы, а данные засекречены, нам заплатили компенсацию и отпустили. Стремясь вернуться к нормальной жизни среди братьев, мы разбрелись по всему свету, скрывая под плащами угловатые синие отметины на телах, а под капюшонами – выбитые на лбу номера. Меня клеймили числом 5554. Немногочисленные близкие знакомые прозвали меня «Пропавшая четверка». Мне было наплевать – своё настоящее имя я забыл. Мы все забыли.

Надменные остроухие выродки солгали тысячам людей о светлом будущем. Солгали о безотказности терапии. Об отсутствии побочных эффектов имплантатов, о комфортных условиях, о законности, о страховании смертельного исхода – практически каждое их слово было ложью, но одно единственное обещание они сдержали. Я прожил четыреста лет, нисколько не изменившись. Моё тело по-прежнему было верно мне и функционировало как отлаженная машина. Просытаясь сто пятьдесят тысяч раз подряд, я видел в зеркале одно и то же острое и хищное лицо, те же глаза, полные надменной непреклонной гордости и пылающей злобы под густыми чёрными бровями. Те же глаза, что принадлежали мне в двадцать пять. И нисколько не потускневший номер на лбу справа. Вечное рабское клеймо.

Четырёх веков хватило бы, чтобы пешком обойти всю планету. Я трудился на заводах Высих, выживая в несовместимых с жизнью трудовых условиях, добывал в шахтах драгоценный металл для их шагающих городов, конструировал новейшие устройства для быстрого и массового убийства братьев... После свержения монопольной власти и выхода идиотского закона, запрещающего людям трудиться на заводах остроухих, я перестал делать оружие. Вместо этого – стал использовать его по назначению.

Убивал из прихоти, убивал из-за похоти, из-за денег, из ненависти, из зависти... Моей жизни хватило бы на то, чтобы истребить всех существ на этой грешной планете и встретить апокалипсис в гордом одиночестве. Так или иначе, у меня не было никого – только деньги, оружие, наркотики и неутолимая жажда. Со временем мой организм выработал стойкость к выпивке и большинству психоактивных веществ – и тогда их заменила похоть. В моей необъятной памяти

было достаточно места для имён, номеров и дислокаций всех распутных девок планеты. Я перепробовал человеческих женщин всех мастей, возрастов и цветов кожи, после чего перешёл на остроухих разной чистоты крови, степени плоскогрудости, длины ушей и величины самомнения. Но сколько бы я ни совокуплялся, ни убивал и ни совокуплялся убивая, неутолимую жажду, поселившуюся в моей груди, унять не удавалось. Я мог не бояться смерти, потому что она уже давно целиком и полностью завладела моей душой. По моим жилам струилось адское пламя.

Спустя сто пятьдесят шесть лет беспорядочной мешанины жестоких убийств и половых связей со всем, что движется, я окончательно пресытился распутством. В поисках нового топлива для сумрачного разума, запертого в бессмертном теле, я принялся бродить по свету. Странствия ради развлечения. Странствия ради знаний и умений. Ради странствий.

Кровавая пелена понемногу спала с моих глаз, и я увидел многое. За последние двести лет цивилизация людей и остроухих далеко продвинулась в технологическом плане. На смену смрадным двигателям внутреннего сгорания, приводивших в движение всё – от персонального транспорта до шагающих городов, понемногу приходили электрические. Изобретение мощных и ёмких аккумуляторов подтолкнуло к переходу на ионную тягу. Остроухие ученые уже поговаривали о первых телепортах.

Однако ничего в этом мире не изменилось. Любая технология – всего лишь посредник. Между сильным и слабым. Хитрым и глупым. Хозяином и невольником. Цивилизация преодолела сложнейший и тернистый путь от начала времен до настоящего момента. Поздравляем! Теперь вместо того, чтобы выдавать надсмотрщикам палки и плети, вы можете выдавать рабам модные смартфоны! Закажите партию прямо сейчас и получите пожизненную скидку на туалетную бумагу – побочные продукты просмотра тонн порнографий не доставят вам никаких хлопот.

Горите в Аду вместе с вашей туалетной бумагой!

Шатаюсь по свету и собирая осколки технологий где придётся, я понемногу обрастал металлом и электроникой. Первым делом на свет появился простой, но надёжный экзоскелет. За ним последовал более совершенный – ставший подвижнее, позволявший нести большие грузы и значительно увеличивший силу и ловкость. Остановившись на месяцы в маленьком человеческом городе, я собрал небольшой и лёгкий одноместный шагоход – быстроходную машину с двумя длинными двухколенными ногами.

Слухи в социальных сетях расплзались быстрее, насколько бы широко он ни шагал. Люди стали узнавать меня. Делать селфи на фоне

моего стального товарища. Просили подписать футболки и кепки. Вышние смотрели со снисхождением и досадливо закатывали глаза, глядя на меня, как на чисто человеческую однодневную интернет-знаменитость. Но со временем мой шагоход оделся бронёй, вытянулся ввысь и стал намного быстрее. Всё потому, что люди предлагали мне работу. За символическую плату я доставлял небольшие посылки в города и посёлки, через которые лежал мой путь. Похоже, это считалось неслыханной удачей – застать меня в городе, сделать снимок и отправить со мной небольшой презент родственникам или друзьям из соседнего города. Которые, в свою очередь, тоже делали снимки и докладывали в интернете, что доставка благополучно состоялась.

Шли годы. Совершенно неожиданно для себя я обнаружил, что у меня появились подражатели. Такие же чудачки, воссоздавшие по фотографиям и схемам из интернета моего стального товарища, и оставившие тёплые дома ради бесконечного похода. С появлением подражателей появилась и конкуренция. Владельцы шагоходов стали соперничать за клиентов, рекламируя свой транспорт, как самый быстрый. Некоторые раскрашивали машины в едкие цвета, обвешивали светящимися гирляндами, динамиками с орущей музыкой... Мне было наплевать – я просто шёл дальше, угрюмо стиснув зубы и молча наблюдая. В моем распоряжении была вечность, оборвать которую могло только насилие.

Всё изменилось в одночасье. Шагоходов стало слишком много, возникли кланы, банды, гильдии, бесполезная иерархия... С появлением групп возникли конфликты. С возникновением конфликтов развязались войны. Особо наглые банды, имевшие доступ к чёрному рынку, обвешали шагоходы новейшим вооружением. Они сбивали военные ионолёты. Что говорить о неуклюжих бронемашинах? Вёрткий шагоход мог запросто уйти от снаряда рельсовой электромагнитной пушки и без промаха выстрелить в ответ. Города превратились в крепости, а леса и дороги – в поле боя, где гильдии и кланы отстаивали друг перед другом права на территорию.

В конце концов, не в силах прекратить беспорядки, власти приняли нелёгкое решение узаконить шагоход, как транспорт, а гильдии – как полувоенные формирования, в частном порядке выполняющие функции органов гражданской обороны. Кочевникам вроде меня предписывалось зарегистрировать шагоход в курьерском реестре. Всех, у кого не было персональной цифровой подписи, было разрешено уничтожать. А ещё через несколько лет правительство было свёргнуто союзом самых крупных гильдий, земли поделили, и наступил мрачный период раздробленности.

На моих глазах технология вновь стала палкой в лапах шимпанзе, вздумавшего проучить и приструнить собратьев. Сильный пожирал слабого. Смерть и разврат. Первый шагоход, запечатлевшийся на старых двумерных снимках, всё ещё гуляющих по интернету, ознаменовал конец просвещённой эпохи культа информации, а его безымянный пилот стал частью легенд, которые благоговейным шёпотом пересказывают друг другу курьеры в барах. Окончательно разочаровавшись в этом мире, я обвешал своего неустрашимого и быстроногого стального товарища бронёй и оружием. «Бессмертный» – на большее не хватило моей истрепавшейся за сотни лет фантазии. А на бортах кабины я написал «5554» – рабское клеймо ходячего мертвеца, въевшееся в мою кожу до кости триста семьдесят четыре года назад. С угрожающе поднятыми рельсотронами и опущенным забралом я вступил в новую эру.

Сожрать себя вместе с потрохами и броней каким-то жалким гильдиям или бандитам – не позволю!

Пятая ночь пешего путешествия по пустыне, наконец, закончилась. Перекусив остатками еды в рассветном полумраке, мы забрались в вырытую на день нору, чтобы забыться тяжёлым сном. В горле першило от едкой пыли, сухой воздух раздражал ноздри, но воду следовало экономить.

Мы оба это понимали. Когда я молча отобрал флягу у жадно припавшей к ней Анаконды, она только кивнула, извиняясь одним взглядом. Заложив вход в нору бронёй шагохода, мы улеглись рядом на кусок грубой ткани. В глазах Анаконды, сверкнувших в тусклом свете фонарика, что покачивался под потолком, я прочитал страстное желание. Что ж, девочка, мне очень жаль, но не сегодня. Нам обоим понадобятся силы, чтобы выбраться из этого адского пекла живыми.

Она поняла всё по глазам – страстно поцеловала, прикусив мою губу выступающими клыками, и молча положила голову мне на плечо. Разве один вид такого древнего и полумёртвого создания, как я, не должен вызывать глубокое отвращение у молоденьких девочек вроде неё?

Мы встретились в первый раз, когда, завершив очередной заказ, я прогуливался по нижним ярусам подвесных улиц промасленного индустриального города. Странно: не могу вспомнить его название, сколько бы ни пытался. Я шуриал бумажками в карманах и, пребывая в самом благодном расположении, искал, где бы провести остаток ночи. И немного приключений на свою задницу до кучи. Ноги несли меня через бедные тёмные кварталы, сырые, зловонные, заброшенные и замусоренные, меж стен, изрисованных едкими граффити. Знающий человек мог бы по этим меткам понять, где нынче проходит подпольный

поединок роботов, почём свежая дурь и кого спрашивать о молоденьких распутных остроухих девках. В моей памяти смешалось столько разных городов, что поиск нужного шифра был невыполнимой задачей.

Наконец, выпитое накануне пиво вынудило меня тормознуть у стены и справить малую нужду прямо в пасть нарисованного на стене странного многоглазого монстра. Не прошло и двух минут, как в тёмном замусоренном переулке, открывавшемся справа совсем рядом, возникло какое-то шевеление, и тонкий девичий голос с самой вызывающей и будоражающей нутро интонацией вопрошал: «Эй, красавчик, не хочешь немного поразвлечься?»

Вот оно, спасение! Разумеется, всё это было ловушкой, которых я видал сотни тысяч. Гении мыслят параллельно, а дураки – вовсе одинаково. Стоит мне пройти сквозь неприметную дверь, которая непременно обнаружится в конце переулка, как двое парней со станнерами вырубят меня, обыщут карманы и вышвырнут в мусорный контейнер. Им даже не нужно убивать, главное – убраться подальше, пока жертва не очнулась. Однако миниатюрная, миловидная и стройная девушка с короткой стрижкой и острыми ушками сулила хоть какое-то развлечение.

Трое мордovorотов растались с жизнями по моей прихоти. Не то, чтобы мне хотелось убивать, просто у них были пистолеты, а я очень люблю свои ножи. Пол комнаты был весь залит кровью. Стены, кожаный диван, приземистый стеклянный столик с порножурналами и маленькими пакетиками дури, вызывающее белое платице девушки с глубоким, но практически абсолютно бесполезным декольте, ее кружевные чулки, миловидное личико – всё было в алых подтёках. Оглядев изуродованные трупы своих хозяев совершенно безразличным потухшим взглядом, девушка подняла глаза на меня и начала медленно растёгивать платье.

Ей было семнадцать, когда мы встретились в первый раз. Острые уши указывали на высокое происхождение, но были слишком короткими. Размером с человеческие. Полукровка, стало быть. Тонкие брови и волосы чернее ночи подтверждали мою догадку. У Высших волосы были пшеничного цвета. Если бы природа наградила эту девчонку пышной грудью человеческой женщины помимо стройного и жилистого тела остроухой, быть бы ей танцовщицей в баре. А так... Что ж, миловидное треугольное лицо, аккуратный нос, высокие скулы и чувственные губы с лихвой искупали этот недостаток. А пронзительному оттенку больших зелёных глаз позавидовала бы любая. Впрочем, за свои четыре сотни лет я знал женщин гораздо красивее. Мне её не хотелось.

Я молча запахнул и застегнул платье девки, вытер кровавые потёки со щёк и хрупких плеч, даже поправил её причёску, вызвав тем

самым немое удивление, после чего так же молча указал рукой на дверь. Дважды повторять не пришлось.

Девчонка нашла меня в доках, когда я готовил свой шагход к отбытию спустя три дня после того случая. Её волосы сваялись, платье было изорвано, на чулках виднелась пара разрезов, а левый глаз заплыл уродливым синяком. Пилоты косились на неё, облизываясь и посвистывая. Позже я понял почему: у её платья не было спинки. Она была оторвана.

Как сегодня помню наш разговор.

– Эй, ты, – крикнула девушка. – Возьми меня с собой!

От такой наглости пилоты соседних шагходов хрипло и похотливо рассмеялись. Однако мне было наплевать. Спрыгнув с борта своего «Бессмертного», я сунул баллончик краски в карман плаща и подошёл к ней.

– С какой это радости мне брать с собой бездомную девчонку в рваном платье? – совершенно спокойно поинтересовался я.

– Ты убил моих хозяев, – ответила полукровка. – Их дружки хотели наложить на меня свои грязные лапы, но я свернула шею главарю и сбежала. Если ты не возьмёшь меня с собой, они найдут меня и растерзают...

– Но сперва как следует вы...

– Заткнись! – рявкнул я.

Метательный нож вонзился в толстую фанеру ящика в паре сантиметров от уха небритого и толстого пилота в грязном комбинезоне. Похоже, он ожидал вилочный погрузчик и решил скоротать время за банкой дешёвого пива. Удовлетворившись амплитудой, с которой тряслась его банка, я обернулся к девчонке и выжидающе уставился на нее.

– ...Они будут мучить меня, если найдут, а потом убьют, когда я стану бесполезна. Сделаю всё, что ты захочешь. Буду твоей подстилкой... – с этими словами она положила тонкую ладонь на низ живота, томно прикусила губу и закатила глаза.

– Мне это не нужно, – безразлично ответил я, развернувшись на каблуках и направившись к шагходу. – Если хочешь ехать со мной, тебе придётся отработать проезд другим способом. Стрелять умеешь?

Спустя всего лишь долю секунды за моей спиной раздался выстрел, а вслед за ним певучий звон. Обернувшись на звук, я обнаружил в руке девчонки архаичный револьвер с рукояткой из слоновой кости. Массивный ствол стоял на месте совершенно неподвижно. А в фанерном борту ящика возле головы белого от страха толстяка-пилота зияла огромная дыра. Как раз в том месте, где совсем недавно торчал мой любимый нож.

Спрашивал я без особой надежды, скорее из любопытства, но такая демонстрация никого не оставила бы равнодушным.

– Убедительно. До следующего города едешь в грузовом отсеке. Там что-нибудь придумаем.

Я даже отдал ей свой любимый плащ, чтобы было не так холодно среди ящиков и коробок.

Она пользовалась своим телом и восприятием для достижения целей. Чтобы найти меня, ей хватило всего двух деталей: электронного ключа от шагохода, висевшего у меня на шее, и, конечно же, моего клейма. Нашла, допросила и застрелила вора, попытавшегося поживиться моими деньгами за два дня до отбытия. Обчистила его карманы и отдала всё торговцу информацией. Ублажила охранника, не желавшего пропускать её в доки, где был припаркован мой «Бессмертный».

Стоило приложить немного усилий, и девчонка превратилась бы в умелого наёмного убийцу. Однако ей было всего семнадцать. В её возрасте я учился в школе и вместе с одноклассниками мечтал о славе гангстера. Так что, как единственный хозяин жизни безымянной полукровки, я решил, что немного заботы с моей стороны ей не повредит.

Вместо совершенно негодного платья я купил ей узкие джинсы, футболку и кожаную куртку с короткими полами и длинными рукавами. Я был самым быстрым среди одиночек, потому денег хватало. Кожаные ботинки с металлическими мысками так же пришлись ей к лицу. После этого я отвёл девушку в общественную баню, где как следует отмыл в небольшой мойке и попарил дубовым веником. Когда листва касалась её кожи, девушка неловко вскрикивала, что наверняка натолкнуло администратора на неверное представление о ситуации, но мне было наплевать. А что творилось в голове девчонки оставалось для меня загадкой.

Всё её тело было покрыто шрамами. Изрезано, изодрано, прострелено... Даже на пятках были следы от глубоких порезов.

От меня не укрылось и то, что одежду, которую я для неё купил, она надевала с опаской. Совала руки в обувь в поисках бритв и битого стекла, прежде чем надеть её. Когда мы пришли в забегаловку, чтобы перекусить, она не притронулась к еде, пока я не попробовал каждое блюдо, что купил для неё. И вообще, всё время, пока я был рядом, она не убирала руку с кобуры, где скрывался её револьвер. Две недели мы шатались по городу, ожидая, пока придут детали для шагохода, и каждую секунду она была на пределе напряжения. Как взведённый курок.

В конце концов, мне это надоело, я снял номер в «отеле свиданий», доплатив хозяину за то, чтобы отключил камеры, и говорил два с половиной часа не умолкая. Объяснил, откуда взялись тёмно-синие отметины на моём теле, на которые девушка так пялилась в бане. В двух словах пересказал четыреста лет своей жизни. Даже если кто-то подслушивал нас, это было совершенно не важно. Главное – с каждым

моим словом глаза девочки делались всё больше. Наблюдать за этим процессом было весьма забавно.

«Ты что, пьян?» – укоризненно взглянув на меня, спросила она, после того, как я рассказал ей о том, что был конструктором первого шагохода.

Конечно же, я ответил, что не могу напиться.

Наверное, последние двести лет мне не хватало именно этого. Просто не с кем было поделиться событиями растянувшейся на четыре века человеческой жизни. А недоверчивая семнадцатилетняя полукровка просто подвернулась под горячую руку. Вместо разъяснений я показал ей двумерный снимок в высоком разрешении. Пока ещё безымянного «Бессмертного» и себя в обнимку с каким-то парнем в жёлтой кепке меж его могучих двухколенных ног. Спустя десять минут исследования древних форумов с помощью голографического планшета девушка подняла на меня холодный взгляд и задала один единственный вопрос: «Зачем ты мне об этом рассказал?»

Что я должен был ответить?..

Она никогда не видела своей высокородной матери. Её беспутного отца-человека убили, когда ей было девять. Из-за крупного долга местному «шефу». Девчонку забрали и продали в публичный дом. Жрицы любви воспитывали её как могли. В тринадцать лет её впервые предложили. Клиент, вздумавший попытаться взять её силой, получил в глаз столовым ножом. Девчонку, конечно же, примерно наказали, но случай не прошёл бесследно. Охранники стали тайком учить её обращаться с ножом и пистолетом. Кто-то – заботясь, кто-то – ради забавы. Она была хорошей ученицей. Кровь Высших была очень сильна.

Впрочем, даже это не смогло защитить от завидной участи женщин, оказывающихся в публичном доме против их воли. В её четырнадцать лет хозяин лично «опробовал» девушку, а потом отдал на растерзание охране. Она убила шестерых. Снова наказания, пытки, голод... Не желая больше терпеть убытки, хозяин избавился от надоедливой и буйной полукровки, отдав её группе мордоворотов, что промышляли мелкими грабежами. Наверняка надеялся, что бывалые головорезы выбьют из неё всю дурь... Так из жриц любви – прямоком в уличные преступники.

Дети остроухих и людей часто рождаются бесплодными. Именно поэтому красивых девочек-полукровок так ценят в борделях и торгуют ими на чёрном рынке тайком от властей. Судьба моей случайной спутницы была ничуть не лучше. Покупая любовь за деньги три с лишним сотни лет назад я совершенно не задумывался, какие ужасы в прошлом могла пережить согласная на всё милостивая

девушка. В те сумасшедшие времена мне было наплевать, ведь я сам был частью этих ужасов.

Я не увидел ничего на лице спутницы, когда она рассказывала об этом. Ни тени страха, отвращения или гнева. Только полное безразличие. Им всё же удалось сломать её. Мог бы и догадаться, почему она так напряжена, почему видит во мне монстра, готового в любую секунду порвать её в клочья. Она просто не знала другого отношения к себе со стороны мужчин.

Что ж, конец моей жизни теряется во мгле необозримого будущего даже спустя четыреста лет после её начала. Достаточно времени, чтобы собрать и промыть от крови и грязи осколки её разума, после чего аккуратно и точно соединить их вместе. Это явно будет интереснее, чем убийства и распутство.

С тех дней я и стал звать её Анакондой. За то, что эта девушка могла достать пятками до затылка и закинуть за шею обе коленки. За то, как напряжённо вела себя со мной. За то, как охотилась. И ещё за выступающие верхние клыки, слишком длинные и сильно бросающиеся в глаза. Ей не нравилось новое прозвище, но, по её мнению, оно всё же было лучше, чем «долбаная стерва». Сама она стала звать меня Четвёртым.

Воды осталась пара глотков. Мне удалось соорудить простенькую ловушку из полимерной плёнки и обрезка пустой фляги, но конденсата, собираемого ей за ночь, не хватит и на одного. Заканчиваются запасы монтажного клея.

Губы Анаконды потрескались и стали шелушиться. Гладкие чёрные волосы растрепались и сделались ломкими. Она сохнет, как роза, которую забыли полить. Но её дух по-прежнему силён. Мы выберемся. И отомстим. Отомстим так, что весь мир содрогнется!

Несмотря на полную бесполезность, я всё ещё тащу за собой кусок брони «Бессмертного». Словно что-то не даёт мне расстаться с последней частью моего боевого товарища. Если бы была пара палок и моток проволоки, можно было бы сделать из него ловушку для влаги. Но мы в чёртовой пустыне. Здесь нет палок.

Иногда мне кажется, что мы попросту ходим кругами. Этому аду нет конца, сколько бы дюн мы ни преодолели.

Мне потребовалось два с половиной месяца, чтобы полностью переделать кабину, добавив кресло для второго пилота, увеличить грузовой отсек и ёмкости для боеприпасов, добавить пару новомодных плазменных пушек и заменить двигатели более мощными. Что ж, теперь повоюем. Можно даже попробовать пройти через развалины, кишачие бандитами. Или обогнуть по краю пески на юго-востоке.

За это время Анаконда стала немного более открытой. По крайней мере, она больше не хваталась за револьвер при виде меня. Любая резкая смена хорошего и плохого в жизни вызывает стресс, потому я всё ещё старался быть с ней строгим и нагружать тяжёлой работой. Но никогда не кричал на неё, отчитывая, не давал невыполнимых заданий. Хвалил и благодарил за успехи. Хотя, возможно, следовало делать это почаще – девушка была хорошей ученицей. В самом конце работ она начала оказывать мне посильную помощь в уходе за узлами «Бессмертного».

То, как она стреляла, поражало воображение. Никогда не видел, чтобы смертное существо настолько быстро осваивало новое. Любое стрелковое оружие, оказавшееся в руках Анаконды, со временем становилось её частью. Архаичные пистолеты, плазменные штурмовые винтовки, снайперские лазеры, даже тяжёлые рельсовые турели. Она была внимательна и терпелива – это очень помогало. Лучшие всего у неё получалось обращаться с огнестрельным оружием. Несмотря на его вес и отдачу.

Однако в схватке на ближней дистанции ей было сложно. В бою против более сильного противника Анаконду могли спасти только гибкость и реакция. Я был гибким и быстрым, но всё же недостаточно. К тому же, мужчины и женщины двигаются совсем по-разному. Найти для неё другого учителя, впрочем, не представлялось возможным. Поэтому обходились тем, что есть.

Когда я запускал пятерню в её волосы, желая похвалить или выразить благодарность, девушка смущённо краснела. Не думал, что это начнёт происходить так скоро.

Ещё месяц ушёл на отладку. Не так-то просто было взять и переделать одноместный шагход в двухместный вдвоём с миниатюрной девушкой. На вопрос Анаконды о том, почему не хочу отдать работу специалистам, я сослался на сложность устройства шагхода. На самом же деле просто не мог стерпеть, что другой, совершенно незнакомый механик будет рыться в узлах моего боевого товарища. У меня самого внутри всё переворачивалось, стоило мне об этом подумать.

Первый раз за время нашего знакомства я увидел, как Анаконда улыбается, только во время прицельной стрельбы из рельсотронов по движущимся мишеням. Уголок её чувственных губ дрогнул после того, как она без промаха поразила все двадцать пять целей на полном ходу. Тренировки не прошли даром. В награду я купил ей старенький «Сокол» под патрон девять на девятнадцать. Видел, как она на него заглядывается. Пришлось, как и всегда, объяснить это долгосрочными вложениями в собственную безопасность – мол, вдвоём проще

защититься от жадных до чужого добра. Такая причина её удовлетворила, но, скорее всего, ненадолго.

Первое путешествие обновлённого «Бессмертного» было совсем коротким. Мы всего лишь совершили переход до ближайшего городка на востоке, чтобы немного подзаработать и подзарядиться – перестройка шагохода и расширение арсенала Анаконды серьёзно повредили моему бюджету. Мой товарищ преодолел расстояние быстро и без неполадок.

Анаконда, между тем, страдала от скуки. Всё же, в густонаселённых районах за порядком следят гильдии, поэтому бандиты практически полностью истреблены или вытеснены оттуда. Я, как мог, развлекал её историями из своей запредельно долгой жизни, шутил в меру сил и чувства юмора. Она даже не улыбалась, сидя в своей бронированной кабине. Её лицо на мониторе выражало крайнее безразличие. Ну и что?

Доставив срочные грузы по назначению и как следует подкрепившись, я оставил шагоход в доках на попечение моей спутницы, а сам отправился выбивать самые выгодные заказы. Требовалось срочно закрыть дыру в бюджете, так что я старался как мог. Пару раз даже пришлось сломать носы другим особенно настырным пилотам.

Путешествие предстояло не из лёгких: необходимо было пересечь напрямик Мёртвые степи – протяжённый равнинный участок, по которому кочевали бандиты и сумасшедшие. Стоит наткнуться на одну группу, и шум перестрелки привлечёт толпы металлистов. Вот и проверим нашу команду в реальном бою. Нужно ставить себе амбициозные цели.

Пожалуй, следует называть вещи своими именами. Было жарко. Очень жарко – в тот день огонь адского пекла как следует опалил нам задние места. Однако «Бессмертный» оправдал свое название. А Анаконда – мои надежды. Даже несмотря на то, что мне приходилось вертеться из стороны в сторону, уходя от выстрелов, она стреляла без промаха, метя в слабые места вражеских машин. Шагоход получил несколько незначительных повреждений, немного потерял в скорости, но остался целым, сохранив подвижность и груз. Драгоценная статистика была собрана. А степи – усыпаны покорёженными дымящимися обломками стали и кусками человеческих тел. Славная вышла битва.

Мы добрались до пункта назначения через два дня, измотанные и голодные, но довольные проделанной работой. Груз был отдан, деньги получены, можно было расслабиться, перекусить и выспаться. А уже потом заняться ремонтом и разбором полетов.

Я бы так и поступил... Но всё было решено за меня. Не знаю, что оказало решающее воздействие – мои низменные потребности, давние привычки или остаточное напряжение.

В первый раз я затащил Анаконду в постель через пять месяцев после нашего знакомства. Казалось бы, ещё совсем недавно я смотрел на её жилистое девичье тело, скорее, как на предмет мебели, но в этот раз, войдя в комнату без стука, увидел женщину. С притягательными округлыми бёдрами, тонкой талией, хрупкими плечиками, острыми ушками и пусть небольшой, но красивой и упругой грудью.

Она не сопротивлялась. Даже наоборот. Когда я это понял, усилием воли подавил в себе яростный разрушающий порыв и постарался быть настолько нежным, насколько может четырёхсотлетняя развалина с чужим лицом давно умершего человека. Я хотел доставить ей удовольствие и, благодаря большому опыту общения с женщинами, имел кое-какое представление о том, что для этого нужно.

Анаконда была первой девушкой за последние пятьдесят лет, от которой я и сам получил удовольствие. Моё звериное нутро отзывалось на её дыхание и хриплый голос, прикосновения к её коже будоражили, а пронзительные зелёные глаза, затянутые пеленой наслаждения, приковали к себе мой взгляд. Не знаю, насколько давно, но она тоже хотела меня, и я исполнил её желание.

Через полтора часа, упоённо растянувшись рядом с ней, я взглянул в лицо Анаконды и увидел тёплую улыбку наслаждения. Закинув на меня ногу и обвив руками мои плечи, она положила голову мне на грудь и закрыла глаза.

Прежде чем уснуть, она шепнула мне на ухо тихо и ласково, как никогда не шептала: «Мне было очень хорошо. Ты другой. Хочу ещё...»

Что ж, стать для тебя отцом у меня не вышло, девочка... Впрочем, я не очень-то и старался. Значит, буду любовником. Спи, пока есть возможность.

Мы прошли из конца в конец весь материк за следующие два года. Сражались в жаркой и гулкой схватке с бандитами в Туманной лощине. Гонялись наперегонки с визжащими вокруг ракетами гильдий-монополистов под городом Красный Луг. Шныряли по пропахшим маслом тесным тёмным улочкам «Технограда» гильдии механиков в поисках аферистов, продавших нам выработанные аккумуляторы. Перешли вброд холодное и тихое озеро Светлое за три дня, что не удавалось никому до нас. Доставили припасы в летучий город остроухих, проشمгнув в узкий промежуток времени, пока он совершал посадку для ремонта.

После стольких лет одиночества путешествовать вдвоём с Анакондой было непривычно. Сложно сойтись с девушкой, которая

общается с тобой короткими фразами, да и те по большей части произносит только в постели. Однако, как бы странно это ни звучало, с ней я чувствовал себя спокойнее. Как и она со мной. За прошедшее время мы слишком много раз спасли друг другу жизни, чтобы сомневаться в надёжности нашей команды.

Каждое утро в поле она неслышно спускалась вниз из кабины «Бессмертного», готовила завтрак, трижды стучала по его могучей ноге. Я спускался к ней, и мы вместе ели в полном молчании. После следовало благодарное поглаживание по щеке с моей стороны и тёплая улыбка с её. За два года девочка научилась улыбаться. А после мы десять часов подряд ехали в отдельных кабинах «Бессмертного». Иногда – забывая о времени в сумасшедших боях или во время дробящих зубы опасных участков пути. Иногда – помирая от скуки на совершенно спокойных и однообразных переходах на крейсерской скорости.

Однако день всегда заканчивался одинаково. Мы ужинали, наблюдали закат с крыши «Бессмертного», а как только солнце полностью скрывалось за горизонтом, Анаконда набрасывалась на меня с сумасшедшей улыбкой и дикой похотью во взгляде пронзительных глаз.

Вряд ли то, что было между нами, можно назвать любовью. Скорее всего, ни я, ни Анаконда вообще не имели представления о том, что же такое эта любовь на самом деле. Мы занимались сексом ради снятия накопленного за день напряжения, ради удовольствия или просто потому что можем. Она была молода и полна свежей, бушующей внутри неё энергии, я был нечеловечески стар, но моё тело всё ещё было отлаженным механизмом в отлично подогнанной оболочке. В самый первый раз, который мы оба запомнили, девочка была совсем неопытной – спорю на что угодно: те мужчины, что ухитрились взять её силой, делали всё как придётся. Что ж, два года полностью исправили её неопытность. Анаконда была хорошей ученицей.

Я дарил своей девочке много подарков. Просто потому что мне хотелось. Теперь отговорки в духе «долгосрочных вложений в безопасность» были не нужны. По румянцу смущения, каждый раз возникающему на её щеках, и тёплой радостной улыбке я мог безошибочно судить о том, что Анаконда воспринимает подношения как знаки внимания с моей стороны. Как бы действительно не решила влюбиться в меня!.. Хотя, буду честным с собой – если эта во всех отношениях милая девушка с характером опасной рептилии на поле боя и повадками дикой пумы в постели прольёт по мне хотя бы одну слезинку, я смогу спокойно проститься с бесконечно долгой жизнью. Впрочем, если даже не прольёт, я не стану слишком расстраиваться.

После того, как я вручал ей очередной пистолет, она, игриво улыбаясь и демонстрируя слегка выступающие клыки, протягивала

мне свёрток или деревянную коробку. Внутри всегда был нож. Иногда охотничий, с берестяной рукояткой и длинным гранёным клинком. Иногда боевой, хищный, зазубренный и устрашающий. Иногда – и тогда у меня перехватывало дыхание от восторга – художественно откованный из сварочной стали. На вопросы, где она их берёт, Анаконда каждый раз отвечала молчаливой и лукавой улыбкой. Мол, тебе совершенно не обязательно об этом знать. Что ж, развлекайся сколько влезет, пока я не обнаружил новые синяки на твоей аппетитной, хоть и покрытой шрамами, попке. В этом мире полно распутных женщин (лично проверял), руки прочь от моей Анаконды! Пока я жив, никто не посмеет сделать из неё подстилку.

Впрочем, чем дольше мы путешествовали и чем больше ночей проводили вместе, тем меньше я сомневался в её верности. Чем больше я узнавал её, тем крепче убеждался в том, что, не смотря на всю свою хитрость, расчётливость и изворотливость, глубоко внутри Анаконда оставалась ранимой и мягкой. Там, куда не смогли добраться ножи и пули. Она цеплялась за меня, как дети цепляются за рукав своих родителей. В промежутках между дневными перестрелками и ночными «схватками».

Странная мы пара. Были бы отцом и дочерью, если бы не страсть и похоть. Были бы жаркими молодыми любовниками, если бы не разница в возрасте. Как бы там ни было, ситуация более чем устраивала нас обоих. Пожалуй, мы не имели совсем ничего общего, были настолько разными, что поменялись бы местами на негативном снимке, но вместе – не важно где – мы были богами. Грозными богами войны и смерти. Нежными и страстными богами плотских утех.

Во рту сухо уже пятый день. Голод и жажда сводят с ума. Сохранять рассудок трезвым и острым всё сложнее, но мы сражаемся в неравной схватке с пустыней, постепенно осознавая, что она уже одержала верх. Там, в будущем, где нас обоих ждут только смерть и забвенье.

Отчаяние. Как же давно я не ощущал отчаяния. Это чувство знакомо только тем, кто тянет ляжку смертного, ведь оно – суть особая форма всё того же знакомого каждому страха неизвестного. Никто не возвращается из-за порога смерти, чтобы принести хоть какие-нибудь вести. Ожидай нас всех за этим порогам бесконечные невыносимые муки, они сделались бы легче, знай мы твёрдо, что именно нам предстоит. Выходит, даже безумные эксперименты Высших не смогли полностью вытравить из меня человеческое...

Мы должны уцелеть. Твержу себе об этом каждую ночь, глядя в покачивающийся затылок Анаконды. Мы должны выбраться. Должны жить дальше той же сумасшедшей жизнью, полной гремящих покорёженным металлом битв, яростного визга двигателей и жаркого

пламени нашей страсти. Должны наводить страх на врагов! Должны вскрыть гортани и вспороть животы тем, кто обрѣк нас медленно поджариваться без масла на этой адской сковородке! Повторяю каждый день, как мантру. С каждым шагом. С каждым вдохом.

Мы должны выжить. Должны выжить. Должны выжить... Должны... Выжить... Должны... Выжить... Должны...

Как же до такого дошло? Очень просто. Рано или поздно это должно было произойти. Сильный пожират слабого.

Две самые сильные и многочисленные гильдии – «Стальные Псы» и «Корпус Броненосцев» – объединились и назвали себя властителями материка. «Механизированный Союз» предложил всем желающим присоединиться к ним в обмен на свежую еду, тёплые постели, бесплатное обслуживание шагоходов и стабильную зарплату. Многие одиночки и мелкие гильдии примкнули к ним, образовав самую многочисленную армию шагоходов за всю историю. А после эта армия была обращена против всех, кто не был доволен стремительным увеличением власти «мехов», не был согласен с их идеями или просто стремился остаться в стороне. Как мы.

«Остроухие братья», между тем, безучастно наблюдали за всем, паря далеко за облаками на своих огромных летающих машинах. Им не было дела до притязаний горстки глупых людей, копошащихся где-то внизу, в пыли и грязи нижнего мира.

Старомодный глава гильдии «Бастيون» Вильгельм Райт выступил против «Механизированного Союза», призвав всех несогласных с их режимом вступить в ряды «Армии Вольных Курьеров». Его пламенные речи, полные слов о рыцарской доблести, долге защищать слабых и чести, коей главы «Механизированного Союза» были начисто лишены, транслировались во всех городах, где ещё не полоскались на жгучем ветру синие флаги, и вдохновили многих на борьбу. Вскоре армии Райта и «Механизированного Союза» сравнялись по численности. У «мехов» появился сильный оппонент.

Что до нас... Мы не хотели воевать ни ради того, чтобы вынести на вершину олимпа жадных до богатства и власти хитрецов из «Механизированного Союза», ни за старомодные понятия Райта. Нам лишь хотелось всё так же шагать по этой грешной земле, продолжая свой бесконечный поход и зарабатывая ремеслом на хлеб. Но мне было ясно – если два волка вцепятся друг другу в глотки, кровь захлестнёт всё вокруг. Не будет ни единого безопасного места, где бы мы смогли укрыться и переждать.

Так мы и стали частью «Механизированного Союза». Они обещали всем вступившим бесплатное снаряжение и сносные условия проживания. А ещё их штаб располагался в «Технограде», где

собрались вместе лучшие механики со всего континента, потому что обещания хорошего обслуживания шагоходов не звучали так уж голословно. Встретили нас радушно. Стоило ли сомневаться, ведь о «Бессмертном» не слышали разве что глухие, да и те наверняка видели снимки.

Мы участвовали во многих битвах с тех пор, не во всех одерживали верх, но неизменно поле было усыпано покорёженными и развороченными жестянками тех, кто осмелился напасть на нас. Не единожды нам довелось вести в бой сотни машин с гордо поднятыми синими флагами «мехов». Удача сопутствовала «Бессмертному» и его экипажу.

Лидер «Механизированного Союза», как формальный, так и духовный, нередко сражался бок о бок с нами на борту своего лёгкого и вёрткого шагохода «Сапсан», оснащённого мощными энергетическими щитами и рельсотроном. Он был высок и хорош собой. Выглядел зелёным юнцом, но говорил и поступал, как опытный стратег. А в твёрдости его руки не сомневался ни один из подчинённых. Тех, кто нуждался в поддержке и защите на поле боя он лично прикрывал и защищал. Те, кому полагалось быть награждённым за отвагу, проявленную в битвах, и за трудовые подвиги, получали заслуженную награду. Тем, кто осмеливался предать, украсть, убить или любым другим способом запятнать имя «Механизированного Союза», он лично зачитывал приговор. И лично казнил.

У него не было имени. А под синей банданой, скрывающей лоб, на коже, не тронутой морщинами, были набиты цифры, что невозможно было стереть. Такой же номер, как и у меня. Вечное рабское клеймо. 1235.

Но мы всё же были совсем не похожи. В то время, как я достиг высот лишь в мастерстве грязной драки, блуде и механике, этот человек был мастером во всем, за что ни брался. Некоторые уважительно звали его гением. Другие благоговейно величали Богом во плоти и кланялись. Третьи молча завидовали, не решаясь возразить или хоть как-то выдать ненависть.

Лидер видел душу каждого, с кем встречался. Даже в гуще самой страшной и грязной схватки в его собственной душе царил покой. Он не влачил существование, находя утешение в деньгах, убийствах или женщинах, как это делал я. Он жил, широко открытыми глазами глядя на грешный мир. Помню, первые его слова, сказанные мне: «Ах, вот кто украл мою четверку!» После этого я стал звать его Пятым.

Жить каждый день так, словно он последний. Это было самой сложной наукой из всех, что можно постичь за жизнь бессмертного. Большую часть лекций я благополучно прогулял...

Даже несмотря на то, что я никогда до конца не доверял этому человеку, он вызывал уважение. Ему хотелось быть преданным, потому что он был надёжен. Как толстенная стальная свая, на которых стоят фундаменты мегаполисов. Нет. Как целый фундамент.

Крах «мехов» был четырьмя годами позже. В сеть попало видеобращение Вильгельма Райта. Справедливо отметив, что простой народ устал от войны между двумя равными по силе организациями, глава «Армии Вольных Курьеров» предложил решить конфликт раз и навсегда. Он с двумя сотнями воинов-добровольцев выйдет против Пятого. Если Лидер одержит верх, «Армия Вольных Курьеров» будет распущена, а её члены станут пополнением рядов «Механизированного Союза». В случае победы Райта доверенные советники лидера должны распустить «мехов» и объявить о возвращении к системе гильдий.

Разумеется, победа Райта означала для нас с Анакондой возврат к прежней жизни курьеров-одиночек, кочующих от города к городу в поисках работы. Мы устали от войны не меньше остальных, нам хотелось покоя и мира. Бывали моменты, когда я даже начинал скучать по долгим и нудным походам через совершенно безлюдные равнины, когда совершенно ничего не происходит. Между тем, победа Пятого обещала нам новую жизнь. Мы могли продолжать бороздить просторы пустошей, как экипаж «Бессмертного», выполняя поручения доставки, выдаваемые курьерским агентством. А могли осесть, забыв тяжесть ножа и пистолета, найдя себе более спокойное занятие. Как бы там ни было, предавать лидера я не собирался. Раз уж мы со спутницей, как следует всё обсудив, ступили на этот путь, то пройдем его до самого конца.

Годы, проведенные в битвах, закалили Анаконду, опалив мягкую как шёлк кожу, её ладони покрылись мозолями от оружия, но её сердце осталось таким же мягким, а улыбка тёплой. Ей исполнилось двадцать пять. Теперь глядя со стороны можно было принять нас за парочку молодых людей, ищущих приключения на свои ветреные головы.

Хотел бы я навсегда запомнить её такой... Пройдёт всего каких-нибудь двадцать-тридцать лет, и мы поменяемся местами. Постепенно девушка станет женщиной, а женщина состарится. Для меня этой проблемы не существует, но не для неё. Жаль. Хотел бы я, чтобы это милое создание всегда ошивалось рядом, вертя в руках холодную тяжесть своих убийственных игрушек...

Так или иначе, всё решилось в тот самый день. Двести машин добровольцев включая «Бессмертного» и во главе с «Сапаном» Пятого вышли против двухсот машин Райта посреди Ржавой пустыни. Сам он вместе с двумя стрелками и одним механиком

управлял монстром под названием «Борей». Шагоход был втрое выше «Бессмертного» и в пять раз выше «Сапсана». Однако размер не имеет значения. Важны лишь навыки и стратегия.

В начале битвы мы одерживали верх. Среди нас были опытные стрелки гильдий с запада, что уступали в меткости только Анаконде, лучшие пилоты с востока, ещё более вёрткие и прыткие на своих внушительных по размерам машинах, чем сам Пятый на небольшом «Сапсане». Большая часть шагоходов Райта была разобрана на запчасти за считанные минуты. Вместе с лидером и ещё пятью пилотами мы зажали «Борей» в клещи и вывели из строя его вооружение, пока остальные добивали остатки вражеских машин. Казалось, битва была выиграна. Всего лишь казалось, пока не ударили резервы.

Всё верно. Вильгельм Райт, лидер гильдии «Бастион», рыцарь по духу и поступкам, столько слов сказавший о чести и доблести в своих проникновенных речах, нарушил слово. Он привёл с собой две тысячи машин, укрыв их маскировочными экранами, и ещё две сотни боевых ионолетов осуществляли поддержку с воздуха. Пятый ожидал этого и скрыл от посторонних глаз три с половиной тысячи машин.

Но в решающий момент половина этих сил обернулась против него. Командиры были подкуплены или подсланы и предали Пятого, как только подвернулась возможность. Какими бы умелыми не были пилоты и стрелки, численный перевес был подавляющим. Остатки сил, верных лидеру, были уничтожены. «Бессмертный» получил тяжёлые повреждения и лишился подвижности. Обломки «Сапсана» валялись неподалеку.

Когда же нас извлекли из недр поверженного боевого товарища, и вместе с лидером и уцелевшими солдатами поставили на колени перед победителем, я получил ответы на вопросы, что мучили меня.

Пятый знал обо всём. О том, что Вильгельм Райт – бессмертный, взявший себе новое имя, – мухлюет под столом, подкупая верных ему людей. Знал, но не мог карать виновных без доказательств, верша суд по собственной прихоти – шпионы Райта знали своё дело и не оставляли следов. В ответ на грязные трюки Пятый создал тайную полицию, призванную перехватывать лазутчиков и выводить на чистую воду заговорщиков. Это помогло, но ненадолго. Вскоре агенты лидера тоже начали поддаваться на подкуп и шантаж, а те, что были верны убеждениям до самого конца, бесследно исчезали. В результате даже Совет, что ведал делами «Механизированного Союза», пока Пятый вёл войну, поддался разлагающему влиянию Райта. Капканы были расставлены с ювелирной точностью.

Лидер был способен на многое, но он был всего лишь человеком с рабским клеймом, оставленным остроухими. Ему пришлось выбирать между честью и властью, как и каждому, кто способен вершить историю. И Пятый выбрал честь. Потому что не мог отступить, сбежать, предать идею, которую сам вложил в умы своих последователей. Он хотел завоевать материк, подчинить все гильдии, искоренить банды, а потом передать земли в руки единого правительства. «Механизированный Союз» должен был стать регулярной армией нового, объединенного государства, поддерживающей порядок, а сам Пятый – её главнокомандующим. Всё ради того, чтобы прекратить распри между гильдиями, возродить науку и культуру, повысить уровень жизни простых людей...

В каком-то смысле, Пятый послужил достижению этой цели. Ведь его оппонент вовсе не хотел возвращать страну на шаг назад после того, как лидер почти объединил её. Вильгельм Райт хотел лично править ею железной рукой, воплотить в жизнь собственные идеи того, каким должен быть мир, опираясь на силу армии шагоходов. И ради этого он был готов обманывать сотни людей красивыми речами, подкупать, шантажировать и убивать исподтишка. Вот такой вот «рыцарь». Без страха и упрека.

Почему же Пятый не попросил помощи друзей? Почему не отозвал нас с Анакондой с фронта и не поставил во главе своей тайной полиции? Там, где не справился один бессмертный, справились бы два. Первый – на виду у всех, как символ своей организации и эпохи, а второй – в подполье, во тьме подземелий, как её нерушимый фундамент. К тому же, мало кто мог бы сравниться с Анакондой в умении искать и находить. Вероятно, Пятый не считал нас достаточно надёжными и достойными его доверия. Впрочем, быть может, дело совсем в другом – этого я никогда не узнаю.

Гром выстрела кольца сорок пятого калибра, что оборвал жизнь лидера «Механизированного Союза», ознаменовал смерть единственного из рыцарей постиндустриальной эпохи. Последнего из людей чести.

Вот и всё. Глупо судить Вильгельма Райта за то, как он одержал верх. Победителей не судят. Лучшая тактика боя – тактика выживших. Кроме того, никто точно не знает, чем обернулась бы победа Пятого – скорее всего, Вильгельм Райт окажется куда более прозорливым и мудрым правителем, способным привести страну к благополучию и процветанию, в то время, как понятия о чести Пятого помешали бы ему развиваться и идти в ногу со временем. Мало кто способен быть наивнее бессмертного...

Однако речь идет не о правителях и не о пользе для страны. Речь о людях. Слабых, злобных, слепых людях, коими являемся все мы. Я,

Анаконда, Пятый, Вильгельм Райт... Для меня лидер был если не другом, то надёжным боевым товарищем и примером для подражания. Райт поставил его на колени и выстрелил в лоб, чем вызвал мою жесточайшую ненависть. Как будто этого было мало – он собрал всех выживших солдат, сохранивших верность идеалам, посадил в ионолёт, дал еды и воды на пять дней и разбросал по пустыне. Видимо, ему это показалось забавным. Мне показалось бы забавным отрезать его гениталии, затолкать ему в рот, а потом насадить его голову на пику, выставив на всеобщее обозрение на площади какого-нибудь мегаполиса.

И в том я поклялся, глядя, на удаляющиеся за горизонт крылатые машины, уносящие прочь нового властелина земель, что я бороздил четыреста лет. Поклялся отомстить за Пятого, за преданных ему людей, за товарищей, что были брошены в пустыне, за нас с Анакондой... И ещё поклялся впредь никогда не доверять людям по имени Вильгельм.

И вот, мы идём по проклятой Богом пустыне в надежде добраться до поля битвы, найти там припасы, хоть один шагоход, пригодный к починке, или, в конце концов, собрать из металлолома подобие средства передвижения, и на всех парах укатить прочь из этого адского пекла. Пока я трепался с Райтом о жизни, чести и совести, Анаконда молча смотрела в иллюминатор, запоминая путь. Доверившись её чутью, я пошёл следом за ней, взяв на себя роль носильщика, чтобы рассудок девушки оставался ясным как можно дольше. Спустя день после высадки мы нашли обломок брони «Бессмертного», которого увезли с поля боя на грузовом ионолете. Мы шли верным путем. Но не мы одни.

Через три дня мы столкнулись с другой группой выживших. Они обезумели от жары и отчаяния и напали на нас ради припасов. Пришлось убить всех. Их кровью мы наполнили опустевшие фляги, желая сберечь оставшуюся воду. Мы пили кровь несчастных два дня. Было гадко и противно, ужасно тошнило, но только сначала.

Смертельная опасность меняет человека. Превращает его в животное, презревшее честь, мораль, узы любви, дружбы и родства. Люди становятся способны убивать собратьев ради верёвки и палки с острым камнем на конце. Ради куска хлеба и глотка воды. Ради литра тёплой крови и шмата свежего сочного мяса...

Мы должны выжить... Должны выжить... Должны выжить...

Двенадцатый день пути. Припасов нет. Нет ничего, кроме верёвки и бесполезного куска брони. Одежда превратилась в рваные лохмотья, кое-как защищающие от холода по ночам и днём от жары. Во рту и в носу пыль. Пыль скрипит на зубах, забивается под веки, толстым слоем покрывает кожу... Мы должны выжить. Взгляд застилает белесый

туман. Ещё немного, и упаду, не в силах больше встать. Девушка впереди идёт медленно, покачиваясь и с трудом удерживая равновесие. На горизонте нет ничего кроме бесконечной вереницы дюн, мозолящих глаза столько дней подряд. Никакой надежды... Мы-должны-выжить. Иссущающая жажда. Внутренности узлом скрутило от голода. Мыдолжнывыжить... Анаконда... Прости. Не смог тебя защитить. Должнывыжить... Ступня скользит, зарываясь в песок. Рефлекторно ищу опору. Плечо под ладонью вздрагивает и покачивается. Должнывыжить... Слышишь?.. Полная луна восходит. Выжить...

В ушах звенит. Бесшумно течёт песок под ногами. Гулкое дыхание. Жажда. Холод. Голод. Белесый туман перед глазами. Плечо под ладонью. Тёплое. Пульсирует.

Выжить.

Нож.

...Нет.

Резать. Колоть.

Нет!..

Надрезать. Фляга. Наполнить. Пить.

Нет!!!

Разделать. Отделить. Грызть.

Не стану!..

Выпить. Съесть. Забрать силу себе. Идти вперёд. Отомстить.

Иди к чёрту! Слышишь?! Замолчи! Убирайся прочь!..

Пить. Есть. Ради нас.

Нет...

МЫ ДОЛЖНЫ ВЫЖИТЬ.

Деревянные пальцы. Клык. Жертва. Подкрадываться. Сжимать. Кромсать. Отнимать. Пожирать. Насыщаться. Дрожь. Два изумрудных глаза. Вздох. Бросок. Срываться. Вниз. Верёвка. Грохот. Разрубить. Слабость. Обнимающий землю мерцающий саван...

Боль вернула меня в сознание. Боль в ноге, пробитой куском металла, что скатился по склону следом. Мои кости заменили на титановые протезы, но с такой раной в пустыне я долго не проживу. Это конец. Для меня все битвы окончены. Выжить не получится.

Я не смог остановиться. Если бы в решающий момент ноги не подвели, я совершил бы самый кошмарный, мерзкий и аморальный поступок в своей жизни. Ненависть и отвращение к самому себе сжигали меня изнутри. Как же так?! Почему?.. Нет, этого не могло происходить, потому что не должно быть никогда!!! Хочу исчезнуть... Сгореть в адском огне...

Но потом я глубоко вдохнул сухой воздух пустыни. Наполнился его ледяной пронзительно-резкой тяжестью. И все земные метания

вместе с мрачным и кровожадным зовом обезумевших демонов оставили меня лежать на песке. Я умираю. Борьба бесполезна. Скоро я обрету покой, которого так желал последние четыре из семи своих жизней. Провалюсь в безмолвную тьму. Войду в пустоту... Никогда прежде не ощущал такого умиротворения.

Анаконда уже съезжала вниз, подняв облако пыли и лавину песка. Оказавшись у подножия дюны, она подбежала ко мне и упала на колени. Благодаря улучшениям Высших даже в скудном лунном свете я видел отпечаток пройденных нами шагов. Кожа на лице девушки, освещённом скудным серебристым лунным светом, шелушилась от солнечных ожогов. Тёмная сетка сосудов проступила на белках опухших глаз. Некогда чувственные губы, которые я целовал множество раз, высохли и потрескались. Никогда не видел её настолько высохшей, израненной и обессиленной, как сейчас. Но это лицо, даже обожжённое и изуродованное пустыней, принадлежало той, что была со мной большую часть своей сознательной жизни. Той, что стала целым миром для меня, хоть я и осознал это только сейчас, когда собственной рукой чуть было не отнял у себя это сильное, но хрупкое существо. Увидеть лицо Анаконды в последний раз – всё, чего я мог теперь желать.

– Четвёртый... – выдохнула она.

И зажмурилась, стиснув зубы от боли и тоски. От отчаяния и бессильной злобы на всех и всё вокруг. А потом девушка заплакала, стиснув мою руку своими маленькими мозолистыми ладошками. Но её щёки были сухими.

Я нежно дотронулся до округлого лба, знакомым движением взъерошив спутанные ломкие волосы. Много я хочу сказать тебе прямо сейчас... Столько слов...

Знаешь, Анаконда, я вспомнил кое-что из своего прошлого. Ещё до того момента, как остроухие забрали меня. Вспомнил лица друзей. И девушки, которая мне нравилась. Она была очень похожа на тебя, Анаконда... Но только лицом.

Своего имени я по-прежнему не помню и вряд ли когда-нибудь оно вернётся бы ко мне. Хочу, чтобы ты дала мне новое. Настоящее. Не тот номер, которым меня клеймили Высшие перед тем как выпотрошить и вышвырнуть. Хочу так же поименовать тебя, вместе с прозвищем отбросив тяжкий груз прошлого. Это желание – одна из двух важнейших вещей, что остались от настоящего меня.

А вторая – ты. До твоего появления я знал очень много женщин. Столько, что сбился со счёта. Но ты – особенная, Анаконда. Заставила волноваться за себя. Заставила рисковать жизнью ради себя, и сама никогда не медлила отплатить тем же. Вновь разожгла во мне искру жизни. Сколько бы людей я не встречал на своём пути бессмертного,

ни один из них не становился мне настолько близок. Я старался достучаться до твоего раненного сердца, собрать осколки измученной души и склеить вместе, а между тем, одним своим существованием ты делала то же самое для меня. Мне было очень хорошо и тепло рядом с тобой. Я безмерно благодарен тебе, Анаконда, за то, что последние годы моей ничемной четырёхсотлетней жизни были такими, какими их сделала ты. Как бы вульгарно и грязно ни выглядела со стороны наша история, ради встречи с тобой действительно стоило столько ждать.

Жаль... Ведь я люблю тебя, Анаконда. Да! Я – бесчувственная мёртвая машина с человеческим лицом и рабским клеймом, смею произносить эти слова! Сейчас, в конце своего существования в нашем грешном мире, я осознал, что всё ещё способен любить. Что моё проржавевшее сердце, которое вскоре окончательно остановится, всё же никогда не было мёртвым...

Мне наплевать на шагоходы, наплевать на гильдии, наплевать на «Механизированный Союз», даже на Вильгельма Райта... на всё и всех, кроме тебя, моя любимая девочка. Хоть никогда не говорила со мной об этом, но я знаю: ты мечтала о тихой спокойной жизни подальше от бесконечных сражений и походов, мечтала забыть запах пороха, познать радость материнства и счастье жизни в браке... Пусть не всем из твоих желаний суждено сбыться, но ты обязательно будешь счастлива. Жаль, в твоей новой жизни не будет меня.

И поделом, ведь я был животным. Совершал ужасные, непростительные поступки. Я одел тебя, воспитал и дал в руки оружие, веря, что подготовив тебя к жизни в нашем богами проклятом мире, смогу искупить всё сотворённое с бесчисленным множеством невинных. Таскал тебя за собой по всей грешной земле, никогда не спрашивая, чего хочешь ты сама. Чуть было не зарезал тебя собственной рукой, чтобы напиться тёплой крови, поддался голоду и жажде, обезумел от голосов в своей голове. А теперь, когда до меня, дурака, наконец, дошло, зачем судьба свела нас вместе, мне за все деяния пришло время отправиться в адское пекло.

Я не достоин твоих слёз. Того, чтобы быть в твоих мыслях.

Пусть то, что случится сейчас, будет мне наказанием. Смею надеяться, что этого достаточно для искупления хотя бы малой толики моих злодеяний.

Знаю, ты всё понимаешь. Вижу по твоим прекрасным зелёным глазам. Теперь ты сама по себе, и только тебе решать, как быть с жизнью, которую мы с тобой когда-то вместе вырвали из грязных бандитских пальцев. Захочешь отомстить за меня и Пятого – мсти. Знаю, ты способна устроить нашим врагам такой ад, что кипящий котел с грешниками, уже ждущий над раскалёнными поленьями,

покажется им джакузи с распутными девками. Захочешь подхватить знамя из моих ослабевших и высохших рук – «Бессмертный» в твоём распоряжении. Бери всё, что можешь взять, и никогда не проси прощения. Борозды за меня просторы материка, будь властительницей пустошей – все земли этого грешного мира принадлежат лишь тем, кто может их пересечь. Захочешь затеряться среди бесчисленного множества людей в каком-нибудь шумном и ярком мегаполисе; жить тихой жизнью, забыв ярость битв, – дело твоё... Ты готова ко всему, что ждёт впереди. Я всегда гордился тобой и верил. А теперь...

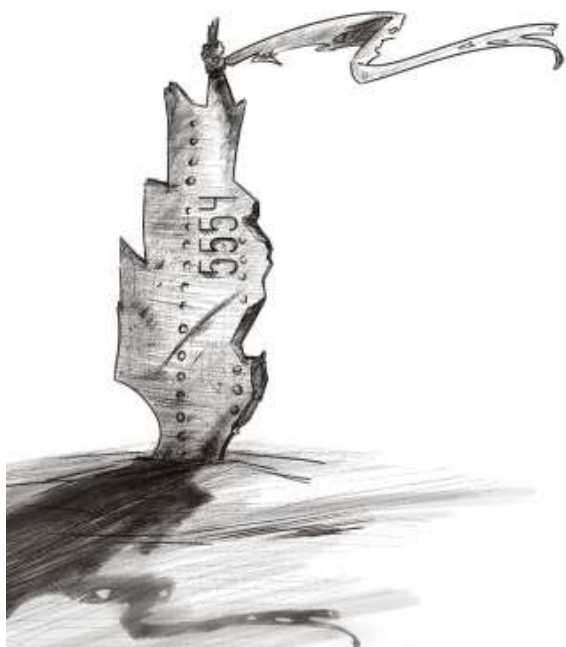
Просто возьми этот нож, что подарила мне четыре года назад. Будь сильной, какой всегда была для меня. Ты должна жить. Должна выбраться из этой Богом проклятой пустыни и жить дальше. А потому сделай, что нужно. Возьми нож, переверни меня на живот, крепко стисни мои волосы, пригни мою голову к спине и...

– Режь...

24.05.16

На первой странице обложки – рисунок Анны Шклярук (Новокузнецк)
На четвёртой странице обложки – рисунок Анны Шклярук
по идее Семёна Агеева

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»